

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ЗАЗДРАВНАЯ ЧАША

ОГОНЬ С НЕБЕС

*Лучше быть гомофобом,
чем русофобом...*

Толерантное мнение

Всё приторней и липче разговоры
О том, что “всепрощение — наш бог”.
Но страшный грех Содома и Гоморры
И сам Господь простить уже не смог.
Но как живуче “голубое семя” —
Опять взошло
И снова сеет гнусь.
Огонь с небес,
Случись он в наше время,
То я запрет нарушу — обернусь.
За все грехи Господь воздаст сторицей.
Пусть со своей семьёй уходит Лот.
Я обернусь,
Чтоб лично убедиться,
Что эта гнусь опять не оживёт.
А Божий Гнев развеет смрад и мрак
В небесном очистительном огне.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в вятском селе Пищалье. Выпускник Высших литературных курсов. Член Союза писателей России. Автор десяти поэтических сборников, книги прозы “Все-го-навсего”. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. Живёт в г. Кирове (Вятке).

Я тоже грешен.
Но совсем не так.
Хотя судить, конечно же, не мне.
Я в ожидании Страшного Суда
Стою столбом.
Душа моя тверда.
И не страшна мне никакая боль,
Ведь вместо сердца —
Каменная соль.

ВОЛЬНОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ

Уйду туда, где тропы лосьи
И птичий гам над головой,
Где вольное многоголосье
Звучит симфонией земной.
Туда, где вятских рек излуки:
Там наша Русь — там русский дух,
И отзвук мира в каждом звуке,
И ничего не режет слух.
Я ласточкой взлечу под крышу,
Чтоб ястребком упасть в траву.
Я жив,
Пока всё это слышу,
И радуюсь,
Пока живу.

САМО ПРОЙДЁТ

Как нарывала и болела
Заноза, встрявшая в ладонь,
Но строго бабушка велела:
“Само пройдёт — смотри не тронь!”
И я терпел — нарыв не тронул,
Хоть выдержал едва-едва.
Я, баба Лиза, поздно понял,
Насколько ты была права.
Мой опыт — всё моё богатство.
И если бьёт судьба под дых,
Не надо в ранах ковыряться —
И ни в своих,
и ни в чужих.
Остался только шрам на коже.
Я всё стерпел судьбе назло.
Не надо прошлое тревожить —
Оно болит,
Хоть и прошло.
Я рос и вырос при народе.
Был за народ.
И сам народ.
А вот уже и жизнь проходит.
Не тронь её — само пройдёт.
Само пройдёт — само собою...
Зачем ты шепчешь:
“Милый мой,
Пока мы вместе,
Я с тобою,
И это значит — ты со мной.

А все восходы и закаты —
Лишь отблеск Божьего Венца.
Пусть всё пройдёт,
Пройдёт когда-то,
Мы будем вместе до конца...”
Не надо ковыряться в ране,
Где рядом гной, и кровь, и пот.
Не верь любви — она обманет.
Не тронь её — само пройдёт.
Я принимаю жизнь как чудо,
Вот только знать бы наперёд,
Что ни о чём жалеть не буду,
Когда она совсем пройдёт.
Само пройдёт — само собою...
Увидеть только бы в конце
Деревню нашу,
Дом с трубою
И бабу Лизу на крыльце.

ЗАЗДРАВНАЯ ЧАША

Ну, какие ещё наши годы! —
До краёв чашу жизни налей:
Главный праздник весны и свободы
Веселей, чем любой юбилей.
Сок берёзовый.
Чистое поле.
Горизонта прозрачная нить.
Я ещё погуляю на воле —
Не спешите меня хоронить.
Погуляю,
Себе потакая,
В ярком свете весеннего дня.
Мы с тобою...
А кто ты такая?
И что надо тебе от меня?
Кто такие с тобою мы оба
С этой чашей, наполненной всклень?
“Будем вместе, мой милый, до гроба
И, обнявшись, умрём в один день...”
Что тебе — мало песен на свете?!
Так оставь,
Замолчи и не пой
Ты слова неуместные эти
С неуместной сегодня тоской.
Всё цветёт,
Значит, быть урожаю,
Ну, а это — основа основ.
Я тебя и без слов понимаю.
Ты меня понимаешь без слов.
Так давай же без лишнего слова
И другим в эту чашу нальём.
Будто с нами родители снова
За сколоченным в поле столом.
Не забудь дорогую подругу,
И друзьям моим хватит вполне.
Пусть идёт эта чаша по кругу,
Чтобы снова вернуться ко мне.
Пусть по кругу идёт эта чаша,

Чтобы кру́гом пошла голова,
Чтоб слова похоронного марша
Позабыть.
Если есть там слова...

РОСПИСИ

Здесь орут вороны оголтело,
Соловьи восторженно поют.
Шрамами распisanное тело —
Для души лишь временный приют.
Не поможет никакая ксива
Обеспечить допуск к небесам.
Не просил я: “Сделайте красиво!” —

В меру сил пытался делать сам.
Представляя зримо и упрямо
Со своей душой наедине
Росписи поруганного храма,
Бабкой пересказанные мне.
Ни к чему мне росписи по шёлку,
Я вот эти росписи блюду.
И когда мне крикнули: “Пошёл ты!..” —
Я пошёл.
И до сих пор иду.
Это для меня совсем не драма,
Потому что осознал вполне
Росписи поруганного храма,
Бабкой пересказанные мне.
Крестный путь мой — дальняя дорога.
Позабыл — откуда и куда.
Разве что пугает (но немного)
Перспектива Страшного Суда.
В ус не дую.
И иду, не ною,
Переставив всё наоборот,
Потому и утречко земное
Над геенной огненной встаёт.